Франклин Гиддингс*

СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ[1]

Предшествующие главы являются вполне достаточными, чтобы осветить основные цели этой книги. Первая цель заключается в предоставлении элементарного отчета по динамике и психологии, развитии и функционировании человеческого общества, который может служить своего рода введением в историю и теорию цивилизации. Вторая цель – предоставить ряд важных элементарных аспектов продолжения развития современного общества, как они отражаются в определенных социальных проблемах и процессах. Третье намерение – указать определенное практическое применение социологии в нашем образовании, общественной политике и вообще культурном развитии. И, наконец, четвертая цель – указать важность социологии как способа научного изучения человеческого общества и стимулировать более строгие научные методы и позиции, и применение того, что общество может достигнуть более эффективного отбора, сохранения и развития, высших образцов человечества.

Образование, рассматриваемое нами, не является тем, которое передается индивиду индивидом или семьей и домашними своим членам, но является тем, которое принимается и поддерживается большими составами: кланом, родом, городом, содружеством. Во всей этой программе не уделяется внимания совершенствованию индивида для своей собственной выгоды или развития себя как личности. Пришло время, когда подобного рода идеи появляются и объявляются во всеуслышание; когда устанавливается такая цель, как развитие личности, средство для совершенствования человечества. Здесь наша наука показывает, что общество не ограничивается в себе, но является скорее средством ограничения, и настоящие ограничители это: отбор, сохранение и развитие высшего в человечест-

* Франклин Генри Гиддингс (1855–1931) – известный американский социолог, представитель парадигмы психологического эволюционизма.

[1] Публикуется по: *Giddings Franklin H.* Civilization and Society. An Account of the Development and Behavior of Human Society. N.Y., 1932. P. 30–45. (Пер. с англ. А.А. Ипатовой.)

ве. Медленно это ограничение становиться целью образования. Это – фундаментальное учение социологии.

В течение многих лет я рассматривал социологию как научное учение об обществе и дал ряд вариантов этого главного определения. Я рассмотрел множество определений европейских ученых и моих американских коллег. Позвольте мне сейчас дать определение социологии. Я поклоняюсь тому, что я смог сделать до сих пор, и, конечно, по большому счету, лучшего, чем кто-либо из моих коллег был в состоянии сделать. Я постарался избежать путаницы и абстракций, предпочитая простоту и конкретные вещи. После многолетних трудов, я вывел данное определение. Социология – это наука о поведении человеческого бытия с, по отношению к и друг для друга, конечное устройство об отношениях и деятельности, которое мы называем человеческим обществом. Всегда мы возвращаемся к предмету человеческого общества, и я хочу закрыть эти дискуссии некоторыми очень важными элементарными соображениями о том, что мы называем человеческим обществом, часть из которых будет часто мешать выразительности, и часть мешать развитию дальнейшей и более научно тщательной проверки социетальных фактов.

В течение всех этих лет, когда я рассказывал, писал о человеческом обществе, я обнаружил, что в нем существует прекрасное богатое множество любопытных понятий, находящихся в умах его членов по поводу того, чем является человеческое общество. Позвольте мне представить несколько любопытных мнений, которые я нашел даже среди выпускников высших учебных заведений. Я обнаружил людей, которые достаточно искренне думают, что человеческое общество – это государство – политическое государство, которое состоит из избирателей, организованное чтобы делать определенные вещи, и состоящее из исполнительного органа, называемого правительством. Эти люди очень естественно полагают, что когда они говорят о человеческом обществе, они говорят о политике в том или ином ее аспекте.

Было бы неплохо иметь в своем словарном запасе несколько определений, таких, чтобы служили нам всякий раз, когда мы нуждаемся в них.

Латиняне проводят различия между обществом, *societas,* как они используют это слово, и одним из значений, которое использовал я. Я полагаю, что они не использовали бы это слово для обозначения народа, нации, населения. Они использовали бы одно из более подходящих слов, таких, как *populus,* или в особенности, *natio,* означающих расу или род. Мы используем слово «общество» очень часто в довольно пространственном значении, включающем *populus,* население, массы, нации. Понятие «нации» для латинян означало расу,

племя, род, занимающий определенную территорию. Так что такие слова, пришедшие в наш словарь, как «нация», «страна» стали уже идентичными, используемыми одновременно друг с другом, равнозначными. В этом нет вреда, потому что, собственно говоря, мы обнаружили это в ходе нашего социологического изучения, что большинство рас обычно идентифицируется с регионом, страной, частью физической окружающей среды, хотя вполне может не быть так строго.

Они распространяются и за границы этих регионов и имеют представителей во всех странах и землях. Римляне очень осторожно проводили различие между обществом и другим понятием, к которому мы пришли, применяя слово «общество» слишком свободно. Я говорил о клубах, общинах, братствах, «обществах», как мы все привыкли называть их сегодня. Латиняне не применяли бы слово *societas* для таких групп, клубов. У них было слово *sodality.* Насколько мне известно, только римская католическая церковь продолжает использовать слово *sodality.*

Таким же образом мы можем провести различие между словами «социетальный» и «социальный», настоящее различие, провести которое было бы очень важным шагом. Это – различия по качеству, по характеру и различие по количеству. Мы даем определение социального феномену, касающемуся малых групп близких людей. Отношения между товарищами, компаньонами являются социальными, отношения между членами семьи также социальные. Отношения между одноклассниками, знакомыми, товарищами и вообще, обнаруживающие себя в малых группах, – социальные. Не потому, что социетальное это не социальное, – на самом деле это социальное, – но потому, что это желательно отметить с целью различения и исследования этого феномена, который был обнаружен только в больших группах или множествах, как мы используем слово «общество».

Социетальными мы просто называем сложные и запутанные отношения, которые обнаруживаются в относительно больших группах, например, в городе, провинции, государстве, международной федерации профсоюзов, в мировых церквях, таких, например, как католическая, в армии, во всем человечестве. Это первое различие, которое следует провести в сознании, то есть, что социетальное – это феномен социальных отношений в большем масштабе. Также существует разница в характере, поведении, различаемая, когда мы сравниваем связи человеческих жизней друг с другом в малых, близких кругах, с одной стороны, и их связей друг с другом в массе, либо в общности, с другой стороны.

Во-первых, в малых группах более тесная близость и забота близких людей друг о друге. Конечно, существуют малые группы, такие,

например, как неблагополучные семьи, в которых индивиды не ладят друг с другом и в которых даже может быть семейная вражда, ненависть. Но в большинстве случаев малые группы состоят из людей, которые достаточно заботятся друг о друге, желая быть относительно общительными и близкими. Тогда как большая группа, например общность, состоящая из тех, кто по какой-либо причине проживает по соседству или в одном регионе, и потом постепенно знакомятся и объединяются, сотрудничают по важным делам настолько хорошо, насколько это возможно.

В большой общности, как, например, в мегаполисе, государстве или нации существует большое количество людей даже не знающих друг друга по имени, они не знают друг друга на вид, но уже по многим вопросам сотрудничают. Они действуют вместе в поддержку муниципальных, государственных или национальных организаций. Они утверждают налоги, они же их и платят. Они поддерживают правительство, и часто они вместе заняты в работе по социальному обеспечению, например, когда они содержат торговую палату, способствуя деловым интересам и общему благосостоянию города.

В добавление к сказанному, во-первых, существование социетальных групп, больших групп является реакцией на более сильный стимул, чем деятельность малых групп. Даже очень малозначащая вещь может заинтересовать членов малой группы. В то время как интересы большой группы, города или государства не могут быть сконцентрированы на малозначительной вещи. Ей следует быть относительно более сильным стимулом. Это явление, в котором качественный и количественный аспекты соприкасаются, потому, что многие вещи, которые придают тон, цвет, атмосферу, так сказать, деятельности малых групп, не исчезают всецело из деятельности больших групп. Они не исчезают, так как обнаруживают себя в малых, близких группах, на которые подразделяются большие группы.

В-третьих, социетальная группа проживает долгую жизнь, имеет преемственность, которая распространяется на несколько следующих поколений. Она может просуществовать сотни лет, тысячи лет. Например, большое общество, которое мы называем Соединенное королевство Великобритании и Ирландии, существует сотни лет. Египетская империя сохраняла свое могущество на протяжении четырех тысяч лет. Сегодняшние государства, еще относительно молодые, но даже наше собственное одно из наиболее молодых существует на протяжении трех сотен лет, если принимать расчет колониальный период. Это обозначает большую сложность устройства, которое имеет качественную разницу между социетальной группой и только социальной.

Далее я примусь за дальнейшее рассмотрение физической природы общества. Время от времени мы сталкиваемся с фактами во-

ображения или историческими, или из анализа некоторых явлений, которые показывают нам, были ли члены человеческого общества бестелесными привидениями, душами. Существуют или нет общества у бестелесных духов – ангелов или чертей. Человеческое общество состоит из существ, которые при рождении становятся материальными телами, очень прочными и в то же время мысленно функционирующими, показывающими поведение, которое представляет все доказательства существования ядра с чувствами, эмоциями, идеями, способностью мыслить. Так что человеческое общество является как великим физическим фактом, так и великим мыслительным.

Если с нами случится стать монистами в философии и случится поверить, что существует только одно – основная форма существования в философии либо материальная, либо духовная, другими словами, если мы станем материалистами или идеалистами, используя метод Беркли, тогда мы можем сказать, если захотим, что общество – это только физический, материальный факт. Или что это только идеальный факт, но, говоря это, мы играем словами и только; мы не делаем ничего большего, чем так определяя материю, что ее определение будет включать все функции сознания, или определяем сознание так, что оно будет включать все функции материи. Это все, что сумели сделать материалисты или идеалисты. Они никогда не создавали ничего большего, чем игру слов. Они определяли материю так, будто она включает все души во вселенной. Они не смогли избавиться от души и определяли ее так, будто она включает в себя все электроны, атомы и молекулы и так далее, которые есть во вселенной.

С другой стороны, если мы – дуалисты, то мы говорим, что верим в существование двух главных видов жизни: материя – это один, и душа, сознание – это другой. Тогда как социологи мы скажем, что функции – это именно функции, в которых мы имеем оба эти вида жизни, и они настолько связанны друг с другом, что никогда не смогут существовать порознь так долго, как существует общество. Здесь опять же не делается большой разницы, какие термины вы используете, как далеко вы сможете с ними зайти, и где следует остановиться. Важно отметить, какой бы ни была наша философия, будь мы идеалистами, материалистами или монистами, что мы обнаружили в феномене определенную регулярность, порядок. Другими словами, мы не рассматриваем введений в замешательство, анархию и хаос событий. Мы обращаем свой взгляд на любопытное множество образцов действий. Это порядок, модель, образец, форма, действующая модель.

Поскольку мы являемся материальными телами, функционирующими не только физически, но и на уровне мышления, и потому, что человеческое общество сотворено из великого множества таких же

тел, которые функционируют как физически, так мысленно, мы можем не давать научного объяснения и интерпретации общества, которые подводят нас, беря в расчет оба аспекта – и физический, и мысленный – существования всей социальной материи. Одна из причин, почему мы понимаем историю, политику, экономику лучше, чем несколько поколений назад, заключается в том, что мы имеет намного более полное, основательное знание физических аспектов этих предметов, так же хорошо, как рационалисты.

Если, например, мы обратимся к политической философии вековой давности – времен Иеремии Бентама – мы обнаружим, что всегда существовала попытка описывать вещи, предметы в терминах разума. Люди, какие больше, какие меньше, размышляли о ранее происшедших событиях. Они рассуждали об их полезности или бесполезности, и из этого образа мыслей вышла целая система этики, созданная в работах Джона Стюарта Милля, профессора Седжвика и других, – так называемая утилитарная этика; также выросшими из этого образа мыслей являются: система экономики, выразившаяся в утилитарной экономике; политическая философия, выразившаяся в утилитарной политической философии Джона С. Милля и его сподвижников.

Все понимали, что что-то здесь упущено. Они точно не могли понять что, кое-что было упущено в этом способе объяснения совершенных человеком дел. Сегодня мы, возможно, впали в другую крайность: при объяснении причин европейской войны обнаружилось очень большое разнообразие мнений. Здесь вы могли найти научные разговоры о связи между торговлей и соперничеством, которая достигла высшей точки во время войны; о связи с торговлей страховыми полисами, включая расценки; связи между специальными рынками и контролем за проводящейся торговой политикой. Эти люди просто говорили о возможности более глубоко продвигаться вперед в проводимой торговой политике и увеличении рынков. Все это просто означает, что некоторые люди постоянно говорят о человеческом обществе терминами мыслей и чувств, а другие постоянно говорят об этом в терминах таких материальных вещей, как продукты, товары и другие вещи, необходимые для поддержания жизни.

Нам же не следует глубоко забираться в социологические дебри, если мы считаем, что можно составить удовлетворительную социологию в терминах одного из этих факторов. Мы не можем делать этого. Мы уделяли много внимания физическим факторам, и впоследствии уделяли много внимания факторам, которые не постижимы, как, например, феномен бессознательного, о котором говорят фрейдисты. Если мы начинаем с физического основания, мы далеко

не продвинемся, и если мы остановимся при встрече с непостижимым, мы не проникнем в глубину не охватим полностью проблемы. В первом случае мы начнем неправильно, а во втором – не сможем продвинуться дальше, вглубь.

Другое дело, что я требую определить достаточно ясно, насколько это возможно, что организация человеческого общества с момента своего образования оказывает обусловливающее влияние на общественное или групповое мнение. Это является моим основанием того, чтобы придавать особое значение простейшей социальной организации, родоплеменной системе, этнической системе и эволюции на их базе политической системы. И вовсе не по тем же причинам я беспокоюсь о том, чтобы познакомить вас с этой проблемой, как это делают этнология или простейшая история, или эволюция политической организации человечества.

Организация с самого момента своего появления, будь то организация тела индивида или групповая организация, обуславливает все позывы или эмоциональные реакции, интеллектуальные или все запрограммированные деятельности организма (группы). Например, когда ребенок начинает что-то строгать своим ножом, придавать форму кусочкам дерева для личных целей, он начал созидательную деятельность своего сознания; и он начал эту созидательную деятельность своего разума не потому, что что-то внутри него сказало: «Работай. Ты создашь». Вовсе нет. Он заинтересовался созданием по причине обмана со стороны окружающих, у него уже имелась привычка к тому, чтобы стругать что-то. Он уже имел привычку создавать прямые и правильные формы и соединять их вместе до тех пор, пока они не превратятся в механизм. К тому же, когда эта рука стала развитой, как у часового мастера, чертежника или хирурга, тысячи реакций мозга стали отличными от тех, какими они были раньше. Невозможно разделить эти вещи.

С момента своего образования организация начинает обуславливать умственные процессы и делать их различающимися. Физически – это только усложнение и развитие того, что вы видите, когда маленький поток воды течет под маленьким наклоном во время дождя, он встречает неровности на земле и становится собранным в течение; и этот поток течет до тех пор, пока не встречает более трудного и плотного места, он огибает и течет дальше, пока не встречает вырытый канал. Далее годами, на протяжении сотен, тысяч, возможно миллионов лет, вода будет течь по этому каналу, а не где-либо еще, и стремительность, инертность воды, водоворот, все это – последствия организации ручьев в поток. Так же это происходит в нашей нервной системе. То же самое справедливо в отношении всей нашей мускульной системы, взаимосвязи нервной и всей на-

шей эндокринной системы с мускульной и нервной системами. Таким образом, цельный организм становится сущностью, и сущность реагирует на все умственные процессы.

Сейчас группы организуются двумя разными путями. Одна начинает организацию объединением малых групп в более крупные группы, а эти большие группы в наибольшие, и так далее до громадных групп. Другими словами, семьи объединяются в роды, соседи или племена в города, мегаполисы, последние в федеральные государства, государства в нации, нации в империи. Процесс объединения, усложнения наименьших групп в большие, больших в наибольшие и так далее. Как видите, это подобно движению в животном организме, посредством которого клетки объединяются в группы клеток, последние в сплетения, эти в свою очередь в органы разного рода и так далее.

Все это может несколько вводить в заблуждение, так как не уделяет внимания другому виду организации. Этот другой вид организации вместо осуществления интеграции – дифференцирует. Суть этого процесса – специализация определенных групп, объединений, классов, устройств для личных целей. Например, у тела есть определенные нервные клетки, такие, например, как мышечные волокна. У нас также есть отдельные клетки, образующие хрящи, другие образуют костную структуру, еще одни – железы и так далее. Здесь мы имеем не простое объединение во все большие и большие агрегации, но также и специализацию материи в каждой группе человеческого общества. В человеческих группах появляются люди, которые заинтересованы, главным образом в более активном ритме жизни. Такие люди обычно становятся лидерами на войне. Другие заинтересованы в более утонченных вещах. Они становятся медиками и священниками, людьми культуры, основоположниками науки и искусства. Совсем уже другие заинтересованы в разного рода ремеслах, они используют свои руки. Они делают нужные, интересные и прекрасные вещи – оружие, станки, керамику, корзины и так далее. Как следствие этих различий, со временем образовались профессиональные группы, которые распространены сейчас во всем мире.

Все это показывает, что человеческое общество – одна из наиболее необъятных и сложных вещей, на которые мы можем обратить наше внимание.

Не так давно я отвечал на вопрос, что такое общество терминами довольно простыми на вид – общий взгляд на какой-либо предмет может быть только образным. Полагаю, сейчас мы должны попытаться проникнуть немного более глубоко в этот вопрос и спросить самих себя, что такое человеческое общество по своей природе, ха-

рактеру, чем оно является по существу? Это что-то, что ассоциируется со всем, что включает человеческая жизнь как материальное тело. Но в то же время общество – это не изначальный аспект телесной организации. Мы, конечно, не имеем в виду, что человеческое общество – это только великое множество человеческих жизней. Соединение сотен, тысяч, десятков тысяч в одном месте может быть началом социальной организации, но эта простая агрегация сама по себе не может стать обществом.

Не придется идти слишком далеко, чтобы прийти к убеждению, что человеческое общество – это фактор человеческого поведения в том или ином виде. Это нечто, что произрастает из отношений между человеческими существами, реакций друг на друга. Когда одновременно кооперирующаяся группа делает что-то, это дело поведения и привычек, которые являются формами установившегося поведения и воспроизводятся. И мы уже проводим различия между индивидуальным поведением и таким, которое мы называем социальным. Поэтому человеческое общество должно быть единственным видом поведения, а не любым.

Не так давно получили свое развитие очень интересные группы исследователей, интересующихся этим вопросом о единственном виде поведения, образующем человеческое общество. И их работа была достаточно интересной и способной произвести глубокое впечатление. Ей было уделено должное внимание, и она достигла определенных результатов в социальной психологии и психологии вообще.

Первый из этих авторов, который привлек достаточно внимания – Габриэль Тард, его великая книга «Законы подражания», была работой выдающегося уровня, продуктом разума, тесно граничащего с гениальностью. Тард утверждал, что сумма и субстанция человеческого общества находят свое основание в подражании, имитации. Другими словами, некоторые манеры поведения, некоторые заинтересованности в той или иной вещи, начинающиеся у одного индивида, продолжаются и продолжаются у других через процесс имитации. Это была очень интересная позиция, и она оказалась достаточно правдоподобной, чтобы создать науку о подражании. Вот хороший пример множества попыток объяснить общество и его деятельность в терминах одной концепции. Были и многие другие. Гумплович понимал общество как продукт расовой борьбы и конфликта. Дюркгейм придавал особое значение коллективному сознанию, а Зиммель представлял себе социальные процессы как соотносимые с психологическими.

Я долго заявлял, что все эти представления и концепции о необходимых характеристиках поведения, порождающих человеческое общество, являются либо слишком узкими и не включают необходи-

мого минимума, либо они слишком мало продвинулись вперед и скорее топчутся на месте, а возможно и движутся к своему началу. Я склонен настаивать как ученый, что все гипотезы могут быть опровергнуты, если находятся такие факты, которые не стыкуются с данными, что основание поведения, служащее основой человеческого общества, является примером реакции значительного количества человеческих существ на один данный стимул. Например, если группа людей в комнате услышала бы вопль человека, которому больно, они все вскочили бы и начали интересоваться, что происходит. Это является массовой реакцией на один данный стимул. Такая очень простая вещь, встречающаяся в тысячах случаев каждый день, на самом деле, это реакция многих индивидов на стимуляцию, – является началом всех процессов, которые, в конечном счете, становятся социальными или строго индивидуальными.

Итак, позвольте мне суммировать все учения о человеческом обществе, предложенные психологией, если под ней мы понимаем науку о всех феноменах человеческого поведения. Но для рабочих целей проводится различие между индивидуальной и социальной психологией. Мы должны ограничить круг своих интересов. Мы не можем изучить все проблемы, имеющиеся во вселенной, и обязаны градуировать свою область изучения. Мы должны различать просто психологию и социальную психологию, а также социальную и социетальную психологию. В чем же эти за различия?

Все проблемы реакций очень ограниченных территорий на стимул незначительного диапазона являются неизбежно предметом индивидуальной психологии. Диапазон не так широк, и реакция не так обширна, чтобы включать более чем одного индивида. Вот такими проблемами занимается индивидуальная психология.

С другой стороны, мне следует заметить, что социальная психология – это поле изучения поведения действительно малых групп – один человек с другим, или несколько человек. Другими словами, мы имеем дело здесь со стимулами более широкого диапазона, чем те, которые влияют только на одного индивида, но недостаточно широки, чтобы включать множество. Потом она включает в себя явления, которые встречаются в большом количестве, такие, например, как климат, открытие большого месторождения нефти, золотого рудника, любых вещей, которые заставляют двигаться все население. Это стимулы безразмерного обхвата и диапазона, плюралистического поведения в большом масштабе. Сейчас эти явления психологии, я думаю, принадлежат к сфере социетальной психологии и стали данными социологии или учения о человеческом обществе.

Давайте вспомним несколько существенных различий, которые уже были сделаны. Первое, что феномен человеческого общества

является феноменом человеческого поведения; другое, что поведение может быть разного масштаба протяженности, некоторые распространены узко, другие имеют очень широкую степень распространения. Я не говорю сейчас об интенсивности или степени, но только о размахе, распространенности. Это – поведение, в котором занято один, два, три или очень немного нервов. Оно не становится поведением в обычном, общепринятом психологическом значении. С этой точки зрения, когда мы говорим, что реакция нескольких нервов является только физиологической, а не психологической, я имею в виду непсихологичность в соответствии с употреблением этого слова нашими исследователями и составителями учебников. Потому, что если бы мы следовали им строго, нам следовало бы сказать, что любой физиологически поведенческий процесс является также и психологическим, и наоборот. Эти различия, которые я сделал, являются довольно грубыми, пространными и используются с целью удобства.

Если рассматривать ситуацию со стороны задействованности, тогда поведение, которое вовлекает несколько нервов, является только физиологическим поведением. Но любое другое поведение, являющееся реакцией всего организма, например, когда растение поворачивается к солнцу, сфокусированная, центрированная реакция – это уже психологическое поведение. Действия муравья, когда он поднимает крошки и переносит их, являются поведением всего организма. И все мы согласны с употреблением и в книгах, и в статьях, и в разговоре, что это поведение – психологическое.

Далее – это поведение, в которое вовлечен более, чем один индивид, в котором участвуют несколько индивидов, где два, три или более из них затронуты одинаковой ситуацией или стимуляцией и реагируют на нее. Мы очень быстро взяли за привычку называть это поведение социальным. И существует также поведение, в котором занято множество индивидов, затронутых общей ситуацией или стимулом. Мы также уже привыкли называть его поведением толпы или плюралистическим поведением. Наконец существует поведение, в которое вовлечена вся общность. Это может быть деревушка, город, мегаполис, нация, все население, реагирующее на общий стимул, как вся нация реагирует на объявление войны или на политические выборы, или на что угодно из сотен значимых причин, которые могут прийти на ум. Здесь это – социетальное или, если вы хотите использовать название соответствующей науки, социологическое поведение.

В соответствии с этими различиями в поведении мы имеем и различия в науках: психологию, индивидуальную психологию, социальную психологию и социологию. Но здесь позвольте мне снова предо-

стеречь вас. Было время, и не так давно, когда науки различались одна от другой большей точностью и возможно большей специализацией. Во всяком случае, в наших школах и колледжах было действительно так, что человек, работающий с одной наукой, чувствовал определенную изоляцию, и он имел, возможно, очень мало знаний в других областях науки. Сегодня у нас налицо реакция обратная: на наших подготовительных курсах, общих либо специальных, предмет дает студенту некоторое понимание сплоченности, взаимосвязей в науке. Я думаю, всем нам следует быть очень осторожными с нашей реакцией на такое состояние дела. Наука едина, но она также и множественна. Наука имеет фундаментальное единство; но и просто необходимо чувствовать и видеть, с одной стороны, единство, и разнообразие, различие – с другой стороны.

Я также хочу привлечь ваше внимание к тому факту, что кроме этих первоначальных реакций на общий стимул, мы имеем также реакции и на другие стимулы, которые усложняют и переплетают все предыдущие. Мы имеем стимуляцию, которую каждый индивид совершает по отношению другому индивиду в действующей группе, и мы имеем реакцию многих индивидов на своих соседей, со-индивидов. Мы называем это интерстимуляцией или ответом. Интерстимуляция организует это множество откликов на общий стимул и, переплетая их, все мы имеем определенный результат, и этот результат, таким образом, называют со-индивидуальным поведением.

Начав с социального и социетального поведения, и забыв на время об индивидуальном и физиологическом поведении, лежащем за первым, мы имеем сначала плюралистическую реакцию на один общий стимул, потом мы имеем интерстимуляцию и реакцию, и, наконец, как сплетение всего этого в единое целое во взаимном понимании и кооперации, мы имеем со-индивидуальное поведение. Первое – это только многие; а второе – это многие в компании, комбинации, синтезе. Здесь мы обнаруживаем целое поле для изучения.

Также я хочу привлечь ваше внимание к объяснению того, что социология берет начало из того факта, что борьба за существование не только индивидуальное, но и коллективное дело семьи, рода, соседей, города, нации. Это особенно значимо в современном мире, где результатами коллективной борьбы во многих социальных явлениях является борьба интернациональных и национальных отношений. Таким образом, социология как наука об обществе, как в любом другом обществе любая другая наука, имеет толкование общества в своих собственных целях, также она имеет склонность быть целевой наукой, способной содействовать социальному управлению. Таким образом, я настаиваю снова и снова на том, что человеческое общество является исчерпывающе оправданным только

тогда, когда мы знаем, чем оно является на самом деле. В сущности, я сказал о том, что общество делает, чтобы превратить естественный биологический отбор в джунглях в исторический отбор лучшего для целей человечества. Таким образом, я использовал такую аналогию: если экономика – это наука о производстве и распределении богатства между людьми, то социология – это наука о производстве и распределении достаточности между людьми. Элементы этой достаточности таковы: выносливость, здоровье, репродуктивная способность, разум, самоконтроль, способность приспосабливаться и ладить с другими.

Не будучи непоследовательным, далее я показал многие практические учения в социологии, и ее практические применения к множеству жизненных ситуаций и проблем. Я, например, сказал, что нам следует изучать социологию среди других причин потому, что она так захватывающе интересна так же, как сложна и часто трудна, игра в шахматы, которую мы называем «жизнь», и важность ходов, которые не очевидны новичкам. Игра при условии сложной схемы правил и игроков получила название общества.

Или можно пойти другим путем – социология является нашей систематической попыткой к пониманию. Она фактурирует пути и результаты плюралистического человеческого поведения. Она отыскивает их происхождение и ход их эволюции через тысячелетия методами проб и ошибок, устранения и замещения, исправления и адаптации, интеграции или дифференциации. Социология сосредоточивает наше внимание по направлению к целой схеме и диапазону уровней, и убедительно показывает подчиненное отношение коммерческого уровня к человеческому и духовному. Она привлекает наш интерес к множеству и жизнеспособности спонтанных и привычных путей коллективного действия, и показывает нам отношения народных традиций и привычек к государственному устройству, волюнтаристских и авторитарных попыток достижения желанной цели. Она показывает отношения управляемого действия и эволюции, которая протекала через исследование и конструирование методом проб и ошибок. Конкретное доказательство: она корректирует неискушенный взгляд на пути и методы исследования.

Далее, я указал, что социология не является «профессиональным» предметом, хотя она никоим образом не остается без внимания в профессиональной подготовке. Честно говоря, социология является «свободной» наукой, незаменимой частью так называемого свободного образования. Различия просты и очевидны. Во время получения профессиональной подготовки мы изучаем, как решать специфические задачи и решать их хорошо. Получая «свободное образование», мы учимся думать и выяснять, какие вопросы заслуживают внима-

ния. Изучая социологию, мы учимся думать научно, рассудительно и беспристрастно о великих человеческих интересах, и готовим себя к тому, чтобы принять участие разумное и ответственное в жизни в обществе и больших общественных делах.

Наконец, и я сказал об этом в «Научном знании об обществе», что по практическим причинам, даже более чем по интеллектуальным, мы нуждаемся в строгом научном знании об обществе и о наших индивидуальных отношениях к нему. В особенности мы нуждаемся в таком знании о социетальных интересах, как так называемая «народная политика», «образование», и «социальная робота».

Необходимо сказать обществу, что наука не является более ни чем иным, кроме способа работы с фактами и попыток понять их; что наука не делает ничего большего, чем помогает нам смело встретиться с фактами. С фактами, которые физические и биологические науки сделали известными для широкой общественности, которые дают нам возможность более комфортно и продолжительно приспосабливаться к жизни, чем когда-либо. С фактами, которые социальные науки сделали общеизвестными и сделают еще более известными, которые способствовали бы уменьшению людских несчастий и более мудрой жизни, чем та, которой человеческая раса жила до сих пор.